

Лу Гуйлань вспоминал досье, которое Система 666 предоставила на Цзян Мяо.

Летом, после окончания девятого класса, Цзян Мяо снялась в реалистичной драме известного режиссера Гао Хэна. Благодаря своей свежей, искренней игре она получила премию Золотой алтарь за лучшую женскую роль второго плана и в одночасье стала знаменитостью Нинчэна. В то время Цзян Мяо выглядела чистой и милой, вызывая у многих восхищение.

Однако с возрастом ее внешность становилась все более яркой, а фигура — женственной и соблазнительной, что совершенно не вязалось с прежним невинным образом. Завистники в школе начали распускать слухи: мол, в индустрии развлечений грязно, а у Цзян Мяо нет связей, так что все ее ежегодные съемки — результат тайных сделок. А раз она начала краситься, делать укладки и выглядеть так вызывающе, то какая она после этого приличная девушка?

Слухи в тени разрастались, и к началу второго полугодия десятого класса репутация Цзян Мяо рухнула. С ней перестали общаться не только одноклассники, но даже те, кто раньше симпатизировал ей из других классов, начали смотреть с нескрываемым отвращением. Цзян Мяо оказалась в полной изоляции, и никто не объяснял ей причины.

От первоначальной растерянности и слез она перешла к холодной замкнутости и вспышкам гнева. Ее настроение становилось все более подавленным. Родители и учителя списывали все на подростковый кризис, совершенно не замечая травли, которой подвергалась девушка.

В одиннадцатом классе Цзян Мяо забросила съемки, решив сосредоточиться на учебе. Раньше она была первой по успеваемости, но из-за глубокой депрессии перестала концентрироваться. Огромное давление привело к тому, что на выпускных экзаменах у нее поднялась высокая температура, и она не набрала баллов даже для обычного вуза. Разочарованные взгляды близких стали последней каплей — в приступе отчаяния она вскрыла вены.

Сейчас Цзян Мяо находилась в школьной изоляции уже полгода, и, судя по тому, как она ворвалась в класс, ее характер стал весьма вспыльчивым.

Лу Гуйлань взглянул на профиль девушки и слегка нахмурился. Задание на реванш, выданное Системой 666, казалось, не имело прямого отношения к героине. Если бы нужно было спасти ее, это было бы куда лучше, но такой функции не существовало.

Цзян Мяо решала задачи очень быстро, тратя на одну страницу не больше пяти-шести минут. Она, конечно, чувствовала на себе взгляд Лу Гуйланя. Даже не глядя на него, она могла угадать, что это за взгляд: отвращение, ненависть, будто она была пропитана ядом, и ему хотелось держаться от нее как можно дальше. Весь класс, да что там, вся школа смотрела на нее так, и Цзян Мяо уже привыкла.

Вдруг Лу Гуйлань заметил, что лицо Цзян Мяо помрачнело, а ясные темные глаза затянуло тучами, предвещающими ливень. Мало того, она начала давить на ручку с такой силой, что кончики пальцев побелели. Лу Гуйлань всегда был чувствителен к перепадам настроения, но

здесь все было очевидно: она злилась.

Почему? Задачи не даются? Нет, она продолжала писать очень быстро. Лу Гуйлань запоздало осознал, что слишком долго наблюдал за ней, и Цзян Мяо, вероятно, это неверно истолковала. Он тут же отвернулся и, подражая ей, достал учебник по физике. Хотя он когда-то изучал эти темы, с момента окончания школы прошло много лет, и многое забылось. Лу Гуйлань просто принялся переписывать решения из конца учебника, где были подробно расписаны все вычисления, попутно освежая знания.

Как только взгляд Лу Гуйланя переместился, ярость внутри Цзян Мяо начала постепенно утихать.

Прошло еще десять минут, и вернулись ученики, ходившие в столовую. Проходя мимо парты Цзян Мяо, они намеренно отворачивались, толкая друг друга и ускоряя шаг, словно боясь даже мельком увидеть ее лицо. Лу Гуйлань оказался в выигрыше — теперь никто не смотрел и на него.

Староста задержался в столовой: очередь была длинной, и к тому времени, как он вернулся с завтраком для себя и Лу Гуйланя, от тридцатиминутного перерыва осталось всего семь минут.

Войдя в класс, староста подбежал к Лу Гуйланю, тяжело дыша, и его глаза засияли:

— Лу Гуйлань, прости, что так долго. Я забыл спросить, что ты хочешь на завтрак, поэтому купил такой же, как у себя.

— Спасибо, не стоило так утруждаться, — вежливо поблагодарил Лу Гуйлань, на мгновение встретившись взглядом с полными ожидания глазами старосты, и тут же опустил глаза на завтрак.

— Это пустяки! — Староста поставил пакет на парту, глядя на меланхоличное, туманное лицо Лу Гуйланя, и замялся, не желая уходить.

Теперь даже такой нерасторопный человек, как Лу Гуйлань, понял, что со старостой что-то не так. Его нынешний персонаж — угрюмый, молчаливый, трусливый, неуспевающий ученик с плохой репутацией — никак не вязался с тем, чтобы вызывать у старосты такую заботу. Вспомнив, как его преследовали в мире АВО, Лу Гуйлань почувствовал недоброе предчувствие.

Не может быть, ведь это другое тело, да и в этом мире нет никаких феромонов.

Сидевшая рядом Цзян Мяо крепко сжала губы и, не выдержав, бросила ручку. На странице осталась длинная черная полоса, а сама ручка, подпрыгнув пару раз, упала на пол с отчетливым стуком. Лу Гуйлань проследил за ней взглядом. Розовые губы его были сжаты, а в глазах, подернутых дымкой печали, промелькнуло сожаление: при падении ручка наверняка потечет, и оставшиеся чернила пропадут зря.

— Ты мешаешь мне решать задачи, — произнесла Цзян Мяо.

Ее обычно сладкий, нежный голос сейчас звучал глухо. Она медленно подняла голову, и пышные локоны, скользя по щекам, открыли яркие губы и изящный подбородок. В темных глазах, казалось, застыл лед, а острые кончики бровей напоминали кинжал. Сейчас Цзян Мяо была похожа на роскошный, но высокомерный цветок, холодно ожидающий поклонения.

Лу Гуйлань взглянул на нее, наклонился и поднял ручку. Когда он собирался положить ее обратно на край парты Цзян Мяо, староста внезапно нахмурился, отступил на шаг и с выражением лица, прямо противоположным тому, что он демонстрировал Лу Гуйланю, бросил Цзян Мяо:

— Ты чего здесь расселась? — В его голосе сквозило неприкрытое отвращение.

Цзян Мяо, словно ежик, выпустила иголки, вскинула подбородок и холодно ответила:

— Это мое место.

Староста одарил ее презрительным взглядом, а затем, повернувшись к Лу Гуйланю, мгновенно смягчился:

— Лу Гуйлань, учитель говорил, что тебе нужно сменить место? Сидеть рядом с кем-то вроде нее — не лучший вариант.

Лу Гуйлань, боясь, что староста добьется от классного руководителя пересадки, поспешно ответил:

— Не нужно, спасибо, мне здесь хорошо.

— Ты слишком добр, но... — староста попытался продолжить уговоры.

Лу Гуйлань перебил его:

— До звонка три минуты, лучше вернись на свое место и позавтракай, иначе это вредно для желудка.

Староста опомнился:

— Точно, не буду мешать тебе есть. Скоро вернусь! — С этими словами он неохотно направился к своему месту в третьем ряду.

Когда староста ушел, Лу Гуйлань слегка выдохнул. Его странная одержимость заставила в голове зазвенеть тревожные звоночки — впредь с ним стоит быть осторожнее.

— Твоя ручка, — Лу Гуйлань стер с нее пыль и положил на край парты Цзян Мяо.

Внешне Цзян Мяо была подобна айсбергу, но внутри нее klokотал подавленный гнев. Если бы староста продолжил шум, она не была уверена, что сдержалась бы. Впрочем, вряд ли бы она что-то сделала.

Цзян Мяо опустила голову, и пышные волосы снова закрыли половину лица. Она даже не взглянула на ручку, а просто достала новую и продолжила решать задачи. Лу Гуйлань сделал несколько глотков завтрака, когда прозвенел звонок.

Первым уроком по вторникам был классный час. Классный руководитель обсуждал планы на семестр, а Лу Гуйлань и Цзян Мяо, не сговариваясь, склонились над своими рабочими тетрадями.

На второй день учебного года Лу Гуйлань уже исписал (переписал) пять уроков из учебника по физике. У Цзян Мяо дело шло еще быстрее: Лу Гуйлань мельком глянул — она уже заканчивала больше половины математики. И, похоже, ей даже не нужно было подглядывать в ответы: с ее почти идеальными оценками она сама была эталоном.

— Ребята, новый семестр — новые начинания. Нам нужно обновить стенгазету на задней доске. Есть ли среди вас кто-то, кто умеет рисовать и поможет учителю?

В классе воцарилась тишина. Третий класс был профильным, и никто не хотел тратить время на рисование. Взгляд классного руководителя обвел класс и в итоге остановился на Цзян Мяо. Она любила своих учеников, особенно тех, кто хорошо учится, а тут еще и звезда.

Классный руководитель спросила легким, почти ласковым тоном:

— Цзян Мяо, я помню, ты три года в средней школе занималась рисованием. Может, возьмешь это на себя?

Рука Цзян Мяо замерла. Она подняла голову, встретилась взглядом с учителем и не смогла отказать. Слегка закусив губы, она кивнула:

— Конечно, госпожа Лю, спасибо за доверие. Я все сделаю.

— Фу, подлиза, — услышал Лу Гуйлань чей-то шепот за спиной.

Цзян Мяо сжала ручку так, что побелели костяшки, но выражение ее лица не изменилось.

— Отлично, — довольно улыбнулась учительница. — Если будет тяжело, можешь просить ребят о помощи. Уверена, они с радостью помогут, правда ведь?

— Конечно, госпожа Лю, мы все готовы внести свой вклад.

— Мы все готовы! — хором отозвался класс во главе со старостой.

Лу Гуйлань был поражен актерской игрой этих детей перед учителем. Неудивительно, что классный руководитель ничего не замечала. Система ббб говорила, что Цзян Мяо слишком гордая, чтобы жаловаться, но даже если бы она рассказала, это бы не помогло. Вся школа участвовала в травле, разве может один учитель справиться с этим? К тому же, это могло заставить учительницу подумать, что Цзян Мяо сама виновата, раз ее так невзлюбили.

До конца урока оставалось пять минут. Учительница, пребывая в хорошем настроении, посмотрела на Лу Гуйланя, сидящего рядом с Цзян Мяо. Она невольно переводила взгляд с одной на другого. Лу Гуйлань оставался прежним, но его аура изменилась — он казался более меланхоличным, что невольно приковывало внимание.

— Я еще с начала урока хотела спросить: почему в нашем классе такой легкий аромат персика? Очень приятный. Это духи или гель для душа?

<http://bllate.org/book/20369/2037661>